

мание уделено анализу общих мест или «*rièses mobiles*», как их, вслед за Мазоном, называет автор. Третья часть работы посвящена непосредственно творчеству Рябинина; дается подробный анализ имеющихся в репертуаре последнего сюжетов и особенностей его вариантов.

В результате своего исследования автор приходит к четко сформулированным выводам. Былина, по его мнению, как жанр больше не обновляется, а только дожидается свой век. Русские былины очень мало изучены со стороны их стиля и композиции. Объясняется это тем, что русские ученые интересовались, главным образом, вопросами генезиса былины. Трудно установить, насколько современные былины сохраняют древние черты. Очень трудно установить элементы индивидуального творчества сказителей, так как они, с точки зрения автора, — лишь пересказчики воспринятого ими материала, а не поэты-творцы, как сербские певцы или монголо-ойротские тувльчи. Несмотря на это, пристальное изучение текстов, записанных из уст лучших крестьянских сказителей, и сравнительное изучение былинных текстов дают возможность выяснить некоторые черты, если не поэтического творчества, то ремесла сказителей. Особенности манеры сказителя выявляются при анализе того, как он воспроизводит воспринимаемый им традиционный текст. Детальное изучение вариантов Рябинина дает право вынести объективное суждение об искусстве Рябинина как сказителя. Рябинин — враг новшеств и стремится сохранить тексты былины в том виде, как он их воспринял в юности, вплоть до незнакомых и непонятных ему слов. Несмотря на стабильность былинных текстов, роль певца для эволюции былины неоспорима; в этом можно убедиться, рассмотрев различные варианты одного и того же сюжета. Былина, переходя от одного сказителя к другому, индивидуализируется, принимает другой колорит в зависимости от темперамента, характера нового исполнения. Сказитель осваивает новую былинку не сразу: сперва он заинтересовывается подвигами и характером героя, развитием сюжета, потом, неоднократно слушая былинку, бессознательно ее запоминает. Когда же он пытается ее воспроизвести, внимание его сосредоточено на сюжете; в обрисовке же героев, с которыми он уже освоился, он сохраняет только оригинальные черты. Он допускает общие места, заменяя их эквивалентными своими. В результате, спетый новым исполнителем текст, при всем стремлении сказителя сохранить его в том виде, как он его слышал, будет иным: появятся новые нюансы в характеристике героя, в отдельных деталях, в использовании общих мест. Рябинин — яркая творческая индивидуальность. Он вносит изменения в структуру былинного стиха, подвергает изменениям ритм былины в зависимости от избранного им напева. Он своеобразно, сохраняя строгий классический стиль исполнения, использует различные возможности рифмы, ассонансов, строфики. Необычайно богаты и разнообразны постоянные эпитеты текстов Рябинина. Его метафоры и сравнения просты и вместе с тем блестящи. Повторы его, построенные обычно по принципу усиления, крайне динамичны. Очень большую роль в текстах Рябинина играют общие места. Вместе с тем он никогда не перегружает свои варианты излишними по ходу сюжета общими местами. Он создает и новые, свои общие места, в которых особенно ярко проявляется его склонность к точности и ясности изображения. Огромная заслуга Рябинина, по мнению автора, в том, что он поднял и оживил былинную традицию, проявив при этом огромное художественное чутье и такт, сумев сохранить черты древних сказаний и вместе с тем дать аромат современной ему северной деревни. Характеристика былинных героев так же, как и сюжетная схема, один из наиболее стабильных элементов былины. Однако и здесь можно уловить некоторые индивидуальные черты сказителя: благородство, гуманность Рябинина проявились и в обрисовке его героев. Сказалось в былинах и его классовое самосознание: его герои, как и он сам, прежде всего защитники интересов народа.

В заключение автор подчеркивает значение аудитории, коллектива в формировании текста. Конечный вывод, к которому приходит автор, блестяще опровергает его исходное положение о том, что сказители являются лишь ремесленниками, а не творцами. Вывод этот, который нельзя не принять, следующий: «Т. Г. Рябинин, старый крестьянин из деревни Середки, имеет полное право войти как поэт в историю русской поэзии».

Э. Гофман

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Миленко С. Филипович, *Несродничка и предвојена задруга*, Београд, 1945, 61.

Автор рецензируемой работы — известный сербский этнограф, возглавляющий отдел этногенеза в Народном этнографическом музее Белграда. Работа посвящена двум мало изученным, однако, как указывает автор, широко бытующим видам южно-славянской задруги, именуемым «несродничка» (неродственная) и «предвојена» (разделенная) задруга.

Объединяя в терминах «несродничка» или «смешанная» задруга как семья, члены которых связаны не родством, а свойством, побратимством или усыновлением,

так и коллективы, возникшие на чисто хозяйственных основаниях, автор в первой части своей работы описывает главным образом второй вид неродственной задруги. Как указывает автор, такая задруга обычно является результатом договорного соединения двух или нескольких малочисленных и малоимущих семей в целях улучшения своего экономического положения. Справедливо указывая на материальные потребности и интересы как основную причину образования такого рода задруг, автор, однако, не проводит достаточного различия между данным неродственным коллективом, в известной мере близким типу так называемой «договорной семьи», с одной стороны, и другим типом задруги, относимым автором к тому же виду неродственной задруги, который все же не чужд родственного начала в виде свойства, побратимства и пр. Возникновению неродственных задруг, по мнению автора, способствовала фискальная налоговая система, при которой налоги распределялись по домам, а не по семьям или по размеру имущества. Проследивая территориальную распространенность «неродственной» задруги, автор приходит к заключению, что наибольшее число ее падает на территорию бывшей Военной границы в Хорватии и Славонии, чему способствовала, по мнению автора, колонизационная политика австрийского правительства. Другой вид задруги, именуемый «предвојена» или «раздвојница», в свою очередь тоже широко распространенный, представляет собой семейную общину, члены которой, связанные действительным родством, несмотря на отсутствие общности территориальной, сохраняют общность хозяйственную и идеологическую. В некоторых районах такая задруга является результатом перенаселенности и безземелья и вызванной этим необходимостью покупки земли в отдаленных районах. Чаше существование «раздвојниц» обусловлено скотоводческой формой хозяйства, заставляющей некоторых членов задруги проводить большую часть времени на пастбище. В обоих случаях все члены задруги представляют собой единый хозяйственный коллектив, владеющий общим сельскохозяйственным инвентарем и на коллективных основаниях распределяющий продукты своего труда. Такая задруга возглавляется одним домашним, который периодически посещает отдельные части задруги, распределяет работу, контролирует ее выполнение и т. д. Проследивая на большом материале территориальную и историческую распространенность всех указанных видов задруги, автор приходит к выводу, что задруга вообще представляет собой, как выражается автор, весьма «эластичную» форму, которая легко приспосабливается к изменяющимся условиям и потребностям. Исчезают старые задруги, но не пропадает задруга как форма народного быта». Заметим все же, что автор соединил в своей работе в основном две формы производственных коллективов, исторически совершенно различных. «Раздвојница», основанная все же на полностью сохраняющемся родственном начале, от архаичного, свойственного родовому строю, типа задруги отстает только тем, что в силу привходящих новых экономических условий нарушает свое территориальное единство. Иное дело задруга договорного типа, представляющая собой сравнительно позднюю форму, предполагающую полный распад родовых связей и лишь по форме наследующую задружное начало, что, впрочем, автор и отмечает.

Работа д-ра М. Филиповича имеет большую ценность, представляя собой довольно обширное собрание конкретного материала, как литературного, так и собранного самим автором в его полевых исследованиях. Материал этот хорошо сгруппирован и четко характеризует описанные автором виды задруги. Исследование этих видов задруги значительно расширяет и уточняет наши представления о югославянской форме семейной общины и еще раз демонстрирует ее замечательную стойкость. Рецензируемая книжка — значительный вклад в литературу о сербской задруге.

И. Прокопович

Миленко С. Филипович, *Галипольски срби*, Београд, 1946, 124.

Основательное и разностороннее описание остававшейся почти совершенно неизвестной в этнографической литературе группы сербов-галипольцев, поселенцев Пехчева (Македония). Описание это основано исключительно на материале, лично собранном автором во время его поездки по Южной Сербии и Македонии осенью 1937 г. Современное население Пехчева, как установил автор, составляют сербы, в течение нескольких столетий жившие оторванно от родины на Галипольских полуостровах, в селах Байрамич и Караджа. Все это время они находились под сильным греческим и турецким влияниями, несмотря на что во многом сохранили свои национальные черты. Знакомство с местным наречием, подробный фонетический, грамматический и синтаксический анализ которого дан автором, приводит его к заключению, что это наречие принадлежит к косовско-ресавскому диалекту сербского языка. Останавливаясь в области материальной культуры на занятиях населения, местных сельскохозяйственных орудиях, жилище, автор особенно подробно описывает местный костюм, сохранивший некоторые черты старого национального сербского костюма. Хотя задружное начало у галипольских сербов претерпело сильное разложение, однако и в настоящее время встречаются немногочисленные задруги и в полной силе сохраняется среди односельчан взаимопомощь в сельскохозяйственных работах. Духовная культура галипольских сербов, подвергшаяся, в особенности, влиянию